

Полисемантические союзы в современном марийском языке

Г. А. Эрцикова

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,
galina.ehrcikova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются функциональные и семантические особенности многозначных союзов, определяется их местоположение в структуре предложения, исследуются стилистические свойства и происхождение искомым единиц. В анализируемом языке многозначность присуща отдельным сочинительным и отдельным подчинительным союзам. Большинство из них имеет два основных значения.

Цель: выявить полисемантические союзы, функционирующие в современном марийском (горном и луговом) языке и определить их происхождение, местоположение с описанием функционально-семантических, стилистических особенностей.

Материалы исследования: выборка примеров с союзами, извлечённая из картотечного материала МарНИИЯЛИ и из текстов художественных произведений разных авторов марийской литературы.

Результаты и научная новизна. В работе впервые даётся комплексное описание полисемантических союзов марийского языка. Нами выявлено и подвергнуто анализу пять многозначных союзов, причём один из них в нескольких значениях выступает только в горномарийском литературном языке. Истоки трёх связующих средств восходят к русскому языку, две единицы формировались на почве марийского языка. Русские заимствования в марийском языке в большинстве случаев сохраняют свою семантику, но меняют те или иные стилистические и синтаксические свойства. Они в основном выражают два значения, тогда как собственно-марийские союзы входят в несколько семантических групп. Отдельным сочинительным союзам характерно сочетание с конкретизаторами, некоторые подчинительные союзы способны употребляться с коррелятами в главном предложении.

Ключевые слова: марийский язык, союз, многозначность, происхождение, сфера употребления, позиция, функция, семантика.

Для цитирования: Эрцикова Г. А. Полисемантические союзы в современном марийском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 756–765.

Polysemantic conjunctions in the modern Mari language

G. A. Ertsikova

*Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and
History named after V. M. Vasilyev,
Yoshkar-Ola, Russian Federation,
galina.ehrcikova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the functional and semantic features of polysemantic conjunctions, determines their location in the sentence structure, examines the stylistic properties and origin of the required units. In the analyzed language, the polysemy is inherent to separate individual coordinative and subordinative conjunctions. Most of them have two main meanings.

Objective: to identify polysemantic conjunctions that function in the modern Mari (Hill and Meadow) language; to determine their origin, location and describe functional, semantic, and stylistic features.

Research materials: the research is based on a sample of examples with the conjunctions that was taken by the author from card index material of Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History and from Mari literature fiction texts of different authors.

Results and novelty of the research: for the first time a comprehensive description of the polysemantic conjunctions of the Mari language is given. We identified and analyzed five polysemantic conjunctions, and one of them has several meanings only in the Hill Mari literary language. The origins of three means of communication go back to the Russian language, two units were formed on the basis of the Mari language. Russian borrowings in the Mari language in most cases retain their semantic, but change certain stylistic and syntactic properties. They mainly express two meanings, whereas the Mari conjunctions actually belong to several semantic groups. Separate coordinative conjunctions are characterized by the combination with specifiers, some subordinative conjunctions are able to be used with correlates in the main clause.

Key words: the Mari (Hill and Meadow) language, conjunction, polysemy, origin, scope of use, position, function, semantics.

For citation: Ertsikova G. A. Polysemantic conjunctions in the modern Mari language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2019; 9 (4): 756–765.

Введение

Союзы в марийском языке, также как и в других финно-угорских языках, возникли сравнительно недавно [4, 176]. По результатам исследования К. Е. Майтинской, «полноценная категория союзов существовала в прибалтийско-финском, марийском и венгерском языках-основах, поскольку в каждом из них, несомненно, употреблялось несколько «настоящих» (обособленных от слов источников) союзов» [8, 115].

Вопрос о многозначности союзов в марийском языкознании до настоящего времени изучен фрагментарно. Так, Н. И. Исанбаев, анализируя основные случаи употребления *маньин* и *лийын* в современном марийском языке, отмечает, что лексема *маньин*, выступая в роли союза, связывает различные по типу придаточные предложения: придаточное цели, придаточное причины, придаточное дополнительное [7, 105–106].

Л. П. Васикова, исследуя сложные предложения современного марийского языка [1; 2], говорит о многозначности соединительных союзов г. *дӓ*, л. *да* ‘и, да’, г. л. *и* ‘и’, противительных союзов г. л. *но* ‘но’, г. л. *да* ‘да, но’ и др. [2, 106 – 131]. Безусловно, конструкций с указанными значениями в языке наличествует немало количество. Но большинство из них выражаются не союзами, «а другими средствами – лексическим составом, интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками» [13, 285].

Отдельные из связующих средств марийского языка представлены в словарях зарубежных финно-угроведов [см., например, 20, 23]. Большое количество искомым единиц включено в изданный МарНИИЯЛИ многотомный «Словарь марийского языка» [15]. В указанных работах отражены союзы и союзные слова не

только литературных норм, но и диалектов марийского языка. Однако даны не все значения исследуемых служебных слов.

В настоящей работе анализу подвергнуты все выявленные автором многозначные союзы современного марийского (горного и лугового) языка. Особое внимание уделено их семантическим особенностям.

Материалы и методы

На основе фактических данных картотечного материала МарНИИЯЛИ, выборки примеров из текстов современных художественных произведений разных писателей марийской литературы, подобранных самим автором, были выявлены многозначные союзы. Для уточнения отдельных значений связующих средств использовался многотомный словарь марийского языка [15], работы Л. П. Васиковой [1; 2]. При рассмотрении этимологии союзов опирались на труды К. Редеев [24], И. С. Галкина [4], Ф. И. Гордеева [5], К. Е. Майтинской [8] и др. Стилистические свойства, местоположение союзов в структуре предложения определялись на базе иллюстративного материала, подспорьем явились и исследования марийских лингвистов [1; 2; 7; 12; 18]. Отдельные теоретические положения о многозначности союзов разрабатывались на базе достижений отечественных исследователей [13; 16], финно-угроведов [8, 10].

При исследовании полисемантических союзов использовались описательный, сравнительно-сопоставительный, стилистический методы, метод дистрибутивного анализа.

Результаты

В марийском (горном и луговом) языке многозначными являются союзы: сочинительные

– г. *дä*, л. *да* ‘и, да; да, но, а’, г. *ато* ‘а то’; подчинительные – г. *вуйта*, л. *пуйто* ‘будто, будто бы, как будто’, г., л. *манын* ‘что; чтобы; думая, что’, г. *гëнь(би)*, л. *гын* ‘если, раз’.

Большинство из них своим происхождением обязаны русскому языку: г. *дä*, л. *да* ‘и, да; да, но, а’ [8, 103; 3, I, 177], г. *ато* ‘а то’ [12, 89; 5, I, 165; 3, I, 51]; г. *вуйта*, л. *пуйто* ‘будто, будто бы, как будто’ [4, 180; 12, 70, 88; 8, 103; 5, II, 163; 23, 553; 3, II, 432]; союзы г., л. *манын* ‘что; чтобы; думая, что’ и г. *гëнь(би)*, л. *гын* ‘если, раз’ – собственно-марийские. Связующее средство г., л. *манын* ‘что; чтобы; думая, что’ образовалось в результате утраты деепричастием *манын* ‘говоря’ своего лексического значения [7, 105; 4, 180; 8, 96]. Г. Берецки считает, что это калька из чувашского языка [21, 162, 257; 22, 136]. Союзы г. *гëнь(би)*, л. *гын* ‘если, раз’ восходят к инструктивной форме местоимения *ку* [3, I, 110; 4, 181, 186; 8, 86; 5, II, 249]. По мнению Г. Берецки, они являются пермскими заимствованиями в марийском языке [21, 159–160, 257; 22, 58].

Союзы г. *дä*, л. *да* ‘и, да; да, но, а’ в марийском языке, также как и в языке-источнике, выражают соединительные и противительные отношения. В русском языкознании союз *да* имеет разговорную окраску [11, 625], в марийском рассматриваемые единицы употребляются во всех функциональных стилях речи.

В соединительном значении союзы г. *дä*, л. *да* ‘и, да; да, но, а’ функционируют между однородными членами, между частями сложносочинённого предложения; в противительном – чаще употребляются для противопоставления частей сложносочинённого предложения, реже – однородных членов предложения.

Соединительные союзы г. *дä*, л. *да* ‘и, да’ на основе равноправия, равнозначности, одноклассности могут связывать любые части речи: существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и т.д. Однородные члены, соединённые указанными лексемами, обычно имеют одинаковое морфологическое выражение. Например: г. *Вара учительвлан дä тыменьшбвлан концерт ли* (А. Канюшков) ‘Потом был концерт учителей и учащихся’ (*учительвлан* ‘учителей’ и *тыменьшбвлан* ‘учащихся’ – однородные существительные в форме множественного числа, родительного падежа). л. *(Васли:) Комдым налым да мукшым погаш кайышым* (М. Шкетан) ‘(Василий:)

Взял лукошко и пошёл собирать пчёл’ (*налым* ‘взял’ и *кайышым* ‘пошёл’ – однородные сказуемые, выраженные глаголами I лица, единственного числа, прошедшего I-го времени, изъявительного наклонения).

Рассматриваемые средства связи могут объединять однородные члены попарно, что придаёт высказыванию большую выразительность. Например: л. *Шич да шокталте, шоналте да возо – Он гычын муро вудшорла йоген* (В. Колумб) ‘Садись и сыграй, подумай и напиши – песня из сердца лилась как половодье’.

При связи союзов г. *дä*, л. *да* ‘и, да’ однородных сказуемых и частей сложносочинённого предложения лингвисты говорят об их многозначности [17, 14–21; 6, 128–129; 1, 79–99]. По нашему мнению, указанные соединительные союзы в языке чаще всего обозначают «чистую конъюнкцию», не осложнённую добавочными элементами смысла, но в определённых конструкциях могут приобретать причинно-следственное и результативное значения [об этом более подробно см. 19].

Примеры: г. *Лиза, тымень лакмбкбжб, кум докы нима кбчайшт миде, дä Ониси бшкешжт больше толын анжыде* (К. Беляев) ‘Лиза, после того как выучилась, не приходила к куму с просьбой о чём-либо, да Анисим сам тоже больше не приходил’ («чистая конъюнкция»). (Автор:) *Тагыце-анят, шбмат цаклы, вургымла ялем шбртнялт кеш дä лаксакышкы вален кеш* (Н. Игнатъев) ‘(Автор:) Каким-то образом, даже не заметил, моя правая нога споткнулась и провалилась в ямку’ (причинно-следственное отношение). л. *Тиде жаныште маска тудым (пирым) шуйлодыш гычио руалтен кучыш. Руалтен кучыш да вуд йымак!* (А. Айзенворт) ‘В это время медведь схватил волка за затылок. Схватил и под воду!’ (результативное отношение).

В противительном значении союзы г. *дä*, л. *да* ‘но, да’ используются реже. Л. П. Васикова, рассматривая семантику марийских сочинительных союзов, заимствованных из русского языка, отмечает, что противительный союз *да* выражает отношения: противительно-сопоставительные, противительно-уступительные, присоединительные (противительно-присоединительные, сопоставительно-присоединительные, уступительно-присоединительные), причинно-следственные с противительно-сопоставительным значением [2, 111–112]. Автор пишет, что общее значение противопоставле-

ния этих союзов синонимично с союзом г. л. *но* 'но', «частные семантические значения и оттенки более ограничены, чем у союза *но*: союз *да* не имеет противительного-возмездительных и результативных значений» [2, 111]. Мы считаем, что союзы г. *дä*, л. *да* 'но, да' имеют одно противительное значение, остальные вышеназванные значения и оттенки значений, также как и в случае с соединительными союзами г. *дä*, л. *да* 'и, да', вытекают из общего содержания сложных предложений.

Примеры: г. *Анфис тамам келесби-нежби ылы, дä паикудыштышы ни опташ тärвәнбиш* (Н. Игнатев) 'Анфиса хотела что-то сказать, но начала лаять соседская собака'. л. – *Тыланет (Сакарлан) кызыт чай пеш күйеш ыле, да шолташ ате уке, – мане кугыза* (С. Чавайн) '– Тебе (Захару) сейчас очень нужен чай, но кипятить нет посуды'.

Союз *ато* 'а то' чаще всего встречается в художественной литературе и разговорной речи. Используется для соединения простых предложений в составе сложносочинённого и однородных сказуемых в составе простого предложения. С *ато* 'а то' может начинаться и самостоятельное предложение. В структуре предложения занимает позицию перед второй из соединяемых конструкций.

По поводу семантики данного союза в марийском языкознании существуют следующие точки зрения: одни из лингвистов считают её причинным союзом [18, 150; 15, I, 117; 14, 37], другие – противительным [1, 49; 2, 106], третьи относят и к причинным, и к противительным [9, 363, 369].

Анализ иллюстративного материала показывает, что искомая единица в исследуемом языке выражает противительное и разделительное значения. Причём в функции разделительного союза она выступает довольно редко и встречается только в горномарийском литературном языке.

Противительный союз г. *ато* 'а то' употребляется для введения ситуации, сменившей другую ситуацию, описанную в предыдущей части предложения. В данном случае компоненты предложения независимы, одновременны. Редко встречается контактное употребление г. *ато* 'а то' с частицами *гын* 'же', *вет* 'ведь', *вот*, *теве* 'вот' в их основном усилительно-выделительном значении. Например: <...> *дä кызыт Варвара Петровна дон Максим Иванович ни*

дон коти статьянет самой ёленйт. Кандышаш ылы Комиссаровлан сөрёмби чушкажым – цилä тёрләннен кей ылы. Ато теве ирокок тагышкы ләктын кеенät, качкылдалашат нимат йәмдөлен кодыде (Н. Ильяков) '<...> и сейчас Варвара Петровна и Максим Иванович жили как кошка с собакой. Надо было принести Комиссарову обещанную чушку – всё бы наладилось. А то вот ушла утром куда-то, даже покушать ничего не приготовила'.

Разделительный союз г. *ато* 'а то' по своей семантике синонимичен союзу *аль/али* 'или' и указывает на то, что каждый из компонентов возможен, но не обязателен. Иногда рассматриваемая лексема используется в сочетании с лексико-семантическими конкретизаторами – частицами *вет* 'ведь', *вот*, *теве* 'вот', которые усиливают и выделяют его значение. Например: (Ваштаров:) – *Шамакым пуэм: вöц кечыштби кушташ тынгäлäm!.. <...> Ада ёняны? Честный шамакым пуэм. Ато вот кызыток кыныл шагалам дä...* (Н. Ильяков) '(Ваштаров:) – Даю слово: через пять дней буду плясать!.. <...> Не верите? Даю честное слово. А то вот сейчас же встану и...'

Союзы г. *вуйта*, л. *пуйто* 'будто, будто бы, как будто' имеют изъяснительное и сравнительное значения. Основная сфера их употребления – художественная и разговорная речь.

В структуре предложения придаточные изъяснительные с указанными связующими средствами чаще всего занимают постпозицию, но могут стоять в пре- и интерпозиции. Придаточные с союзами г. *вуйта*, л. *пуйто* 'будто, будто бы, как будто' связаны с каким-либо словом или сочетанием слов (глагол в любой форме, категория состояния, существительное) главного предложения. Сами же союзы в придаточной части обычно находятся в начале присоединяемой конструкции, реже – в любой другой позиции, следовательно, с соотносимым словом главного предложения они могут располагаться как контактно, так и дистантно.

Изъяснительные союзы г. *вуйта*, л. *пуйто* 'будто, будто бы, как будто' вносят в придаточную часть оттенок предположительности, неуверенности в сообщаемом факте, т.е. с помощью данных лексем говорящий указывает на недостоверность передаваемой информации. В главном предложении с ними могут коррелировать указательные местоимения г. *тенге(лä)*, л. *туге, тыге* 'так'. В структуре предложения они

занимают пре- или интерпозицию. Выполняют функцию дополнения и подчёркивают изъяснительную семантику.

Примеры: г. *Попыш (волость вуй), вуйта тйды́н (Григорьев Васи́)* докы тамахань эдемвлӓ толыт, иквӓреш погынен, нб́нб́и тамам кангӓйшӓт, пумагавлӓм сирӓт, маньы (В. Петухов) ‘Говорил (глава волости), будто к нему (Григорьеву Василию) приходят какие-то люди, собравшись вместе, они о чём-то спорят, пишут бумаги’. л. *Тыге коеш: пуйто нӓртӓс сьлне кенгеж вургемым ойганен, шортын куда-шеш* (М. Рыбаков) ‘Так кажется: будто природа снимает красивый летний наряд тоскливо, со слезами’.

Сравнительные союзы г. *вуйта*, л. *пуйто* ‘будто, как будто’ по занимаемому месту в предложении в подавляющем большинстве случаев находятся в абсолютном начале придаточной части, в редких случаях – в середине или в конце придаточной части. Для придаточного с этими союзами характерно постпозитивное положение, но возможна также пре- и интерпозиция.

Анализируемые единицы употребляются в предложении для выражения ирреальной модальности. В их значениях содержится указание на нереальное сходство, на предположительность или мнимость сообщаемого и на отношение говорящего к сообщаемому. С указанными союзами могут использоваться корреляты г. *техень*, л. *тугай* ‘такой, такая, такое, такие’, которые располагаются или в абсолютном начале, или в середине главного предложения. Они акцентируют семантическое отношение, выражаемое союзом.

Примеры: г. *Но пӓ́лгомжы йори гань те-хеньйи уре, вуйта пӓ́лгом агыл, а уре стёкла ылеи* (Н. Ильяков) ‘Но небо-то как специально такое чистое, будто не небо, а чистое стекло’. л. *Йӓ́р ложге йӓ́реш, каваите пуйто ала-кӓ́ ленежым почын кумыктен* (Е. Янгильдин) ‘Дождь сильно льётся, в небе будто кто-то кадку наоборот перевернул’.

Слова г. *вуйта*, л. *пуйто* ‘будто, как будто’ способны выполнять роль союзных частиц, когда связывают сравнительный, причастный и деепричастный обороты в простом предложении. В таких конструкциях они кроме функции связи придают выделяемому обороту сравнительный семантический оттенок. Например: г. *Каля, вуйта мижб́н топ, ӓ́рдб́жкб́и кенвазеш*

(Н. Ильяков) ‘Мышь, будто шерстяной мяч, падает в сторону’.

Союз г., л. *маньы* ‘что; чтобы; думая, что’ в современном марийском языке употребляется довольно часто. При помощи данного средства связи оформляются различные виды смысловых отношений, полностью раскрываемые только в контексте: цель, изъяснение, причина.

По занимаемому месту в предложении союз г., л. *маньы* ‘что; чтобы; думая, что’ является постпозитивным – стоит в конце придаточного предложения. Придаточное же предложение, соединённое с помощью рассматриваемой единицы, обычно стоит перед главным предложением. Придаточное цели редко может занимать и положение внутри главного или за главным предложением. При интерпозиции целевое значение может быть ориентировано не на всё содержание главного предложения, а на какой-то отдельный компонент сообщения.

С синтаксической точки зрения целевой союз г., л. *маньы* ‘чтобы’ образует сложноподчинённое предложение расчленённой структуры, изъяснительный и причинный союзы – нерасчленённой структуры. В стилистическом отношении целевой и изъяснительный союзы являются нейтральными, причинный союз больше характерен для художественной речи.

Один из самых распространённых значений связующего средства г., л. *маньы* ‘чтобы’ – целевое. Он устанавливает отношения между двумя ситуациями, в одной из которых содержится предпосылка, обеспечивающая исполнение желаемого следствия. В придаточном предложении характерным является выражение сказуемого глаголом повелительного наклонения или инфинитивом. В главном предложении предикат также преимущественно глагольный.

При выражении придаточного предложения глаголом повелительного наклонения, обязательна разносубъектность действий главного и придаточного предложений. Когда союзный компонент содержит инфинитив (неявная полипредикативность), характерна односубъектность действий.

Примеры: г. *Соты пырыжы маньы, йды́р окня кӓ́рб́ишӓ́м шытышылы* (М. Кудряшов) ‘Чтобы проникал свет, девушка задёрнула занавески’. л. *А кастене, пасу наша пытымеке, Корийым ужаи маньы, Катя моло деч ончыч мӓ́нгыжӓ́ толын шуын* (А. Ягельдин) ‘А вечером, когда закончились полевые работы, чтобы

увидеть Григория, Катя раньше всех пришла домой’.

Изъяснительный союз г., л. *манын* ‘что’ выражает отношение между способом оперирования информацией (изъясняемым) и самой информацией (изъяснением). Вводит сообщение о событии, желаемом, возможном, необходимом, но пока ещё не имеющем места в действительности. В сложноподчинённом предложении с придаточным изъяснительным главное предложение характеризуется синтаксической неполнотой, в силу того, что содержит слово, требующее обязательного распространителя, функцию которого выполняет придаточное предложение.

Примеры: г. *Бішкежбї (Савик) сбїнзйжбїм седок бїштїл-бїштїл колта, лачокишымок мйгбїрй, машанет, каметьлйнй манын, нима статян ат ман* (Н. Игнатъев) ‘Сам (Савик) всё глаза вытирает, будто на самом деле плачет, ни за что не скажешь, что шутит’. л. – *Ик кенез кечын, тунам эше сар лиеш манын, шонен омыл, мый пазарыш ала-мом налаш миенам...*, – *тўнгале Василь Миклайыч* (С. Вишневский) ‘– В один летний день, тогда ещё подумать не мог, что будет война, я приехал на базар за какой-то покупкой..., – начал Василий Николаевич’.

В функции причинного союза лексема г., л. *манын* ‘думая, что’ используется редко. Он указывает не на прямую причину, а причину, основанную на предположениях, догадках, рассуждениях субъекта речи. Конструкции с этим союзом построены на чувственном восприятии мира, в них субъект речи репрезентирует своё мнение. При этом степень обоснованности может колебаться от сильно обоснованного до необоснованного предположения (это зависит от говорящего, его знания объективной информации). В подобного рода предложениях смысл «предположение, рассуждение» выражается в силу лексико-семантической наполненности лексемы г., л. *манын* ‘думая, что’, который и в функции союза сохраняет значение допущения, догадки, соображения.

Примеры: г. *Дй молнамат когон мардежйн годым янгыштыкален ылынат (Павыл), тагачы йдымат нимат ак ли манын, мйнгешок тбїдбї вйкш кйргбїшкбї пыра* (В. Сузы) ‘Да и раньше во время сильного ветра Павел иногда молчал, думая, что и сегодня ночью ничего не случится, он обратно зашёл в мельницу’. л. *Альбина* <...> *фельдшерым полишай йодышын*

ончале. Но ветеринар «арам паша» манын, йрдыжкй коран кайыш (В. Иванов) ‘Альбина <...> взглядом, просящим помочь, посмотрела на фельдшера. Но ветеринар, думая, что это «бесполезная работа», отошёл в сторону’.

Союзы г. *гбїнь(бї)*, л. *гын* ‘если, раз’ в марийском языке употребляются в двух основных значениях – условном и сопоставительном.

Со стилистической точки зрения являются нейтральными, фигурируют в официальных и обиходно-бытовых текстах примерно с одинаковой частотностью. В предложении занимают постпозиционное положение – стоят непосредственно за сказуемым и чаще всего в конце придаточной части, реже (в разговорном стиле речи, в прозаическом произведении) могут занимать и иное место в предложении. Придаточное предложение с рассматриваемыми союзами в основном предшествует главному предложению, но может находиться после или внутри него.

Условные союзы г. *гбїнь(бї)*, л. *гын* ‘если, раз’ соединяют придаточные предложения, заключающие в себе реально возможные условия и ирреальные условия. Для условных придаточных предложений реального значения характерно значение гипотетичности. Союзы г. *гбїнь(бї)*, л. *гын* ‘если’ вводят представление о такой связи между двумя описываемыми ситуациями, когда наличие одной из них делает наличие другой очень вероятным. При этом глагол-сказуемое в придаточном предложении чаще всего выступает в форме изъявительного, реже – желательного наклонений или в инфинитиве. Например: л. *Кўдырчй теле тўнгалтыште кўдырта гын, теле йўшитй лиеш* (А. Китиков) ‘Если в начале зимы загремит гром, зима будет холодной’.

Условные придаточные предложения реального значения могут осложняться причинными оттенками. В таких конструкциях союзы г. *гбїнь(бї)*, л. *гын* больше соответствуют русскому союзу *раз*. В подобных предложениях «единичное действие-условие уже реализовалось или реализуется и является причиной того, о чём говорится в главной части» [11, 114]. В этом случае союзы г. *гбїнь(бї)*, л. *гын* ‘раз’ используются при оценке ситуации как реальной. Например: г. *Властьым мй бїшке кидбїшкбїнй кодынйнок гбїньбї, мйлйннй вырсым вйлйн кодын нйтйрйш келеш* (Н. Игнатъев) ‘Раз мы хотим оставить власть в наших же руках, то нам нужно победить в этой войне’.

В оформлении реальной условной связи вместе с союзами могут принимать участие конкретизаторы – усилительно-выделительная частица г., л. *-же* ‘-то, же’, выделительно-ограничительная частица г., л. *веле* или сочетание двух выделительно-ограничительных частиц г., л. *лач ... веле* ‘только, лишь, лишь только, только лишь’ в их основном значении.

Примеры: г. (Веня – Германлан:) – *Техень трус ылат гыйнежы, ке, сярнал кйзйток!* (Г. Харитонов) ‘(Веня – Герману:) – Раз (же) ты такой трус, сейчас же иди обратно!’ л. *Так огеи йомакле калык: тумо чарангеш гын веле, ажгынаи огеи луд теле* (В. Колумб) ‘Не зря говорит народ: если только дуб оголится, зима не боится лютовать’.

В условных придаточных предложениях ирреального значения с союзами г. *гыйнь(би)*, л. *гын* ‘если’ разграничение нереальной и реальной обусловленности опирается на контекст. В луговомарийском литературном языке в таких предложениях союз выступает как неотъемлемый элемент сложного комплекса, в состав которого входит глагольная форма в настояще-будущем времени и частица *ыле* ‘бы’. Сочетание глагол в настояще-будущем времени и частица *ыле* ‘бы’ имеет место и в главном предложении. В горномарийском литературном языке союз г. *гыйнь(би)* в условных придаточных предложениях ирреального значения употребляется довольно редко (чаще всего в них используется союз *ылгецй* ‘если бы’). В конструкциях с этим союзом частица *ылы* ‘бы’ (или *ылнежй* ‘бы’ – при выражении какого-либо желания или намерения) обычно находится во второй – главной части – предложения, при этом зависимая часть оформляется как правило глагольным (как в первом примере в г.) или именным (как в втором примере в г.) сказуемым в определённом времени и лице и союзом г. *гыйнь(би)* ‘если’. Частица *ылы* ‘бы’ (или *ылнежй* ‘бы’) в главной части предложения может быть и опущена. В отдельных случаях (в народных песнях, переводных произведениях) частица *ылы* ‘бы’ может встречаться также в придаточной части предложения.

Примеры: г. (Зоя – Сашалан:) – *Семен чйчй тйньбй аят агыл! <...> Аят ылеи гыйнь, сагада ёлй ылы* (С. Захаров) ‘(Зоя – Саше:) – Дядя Семён не твой отец! <...> Если является твоим отцом, жил бы с вами’. *Папамжы сар валган, кого пйрцйн ыржа кйлтевлйм роалтен*

налешайт, ай анзыкы намалеш. Эче вес эдем ылмаштыжы гыйнь, пайй утларак куштыл-гынежй ылнежй, торок айныкй шйндайи линежй (В. Сузы) ‘Бабушка берёт светло-жёлтые, с крупным зерном снопы и несёт к овину. Был бы другой человек, работа намного полегчала бы, можно было бы сразу поставить в овин’. л. (Майруш – марийжылан:) – *Намысет лиеи ыле гын, яжар Настачи дек от куржстал ыле* (П. Корнилов) ‘(Майруш – мужу:) – Если бы была у тебя совесть, к развратной Анастасии не бегал бы’.

Наряду с условным, союзы г. *гыйнь*, л. *гын* ‘если’ имеют сопоставительное значение. В этом значении они не указывают на связь ситуаций, а отражают представление говорящего о них как об имеющих место одновременно и контрастирующих друг с другом. При этом глаголы-сказуемые обеих частей могут иметь как настоящее-будущее, так и прошедшее время.

Примеры: г. *Шйжй ййдыи кужы гыйнь, Кйнгйж ййдыи эртй чйнь* (В. Григорьев) ‘Если зимняя ночь длинная, то летняя ночь проходит быстро’. л. *Порьенже уке гын, удырамашыже толын; кугуракше уке гын, йочаже толын* (С. Чавайн) ‘Если нет мужика, приходила женщина; если нет взрослого, приходил ребёнок’.

В горномарийском литературном языке союз г. *гыйнь* ‘как, с тех пор как, после того как’ употребляется также в предложениях, передающих последовательные временные отношения – действие придаточной части предшествует действию главной и является моментом, с которого началось действие главной части. Например: г. *Лесопунктышкы шйргй масте-реш толын гыйнь (Клава), тйлзй веле эртен* (И. Горный) ‘С тех пор как пришла (Клава) в лесопункт лесным мастером, прошёл только месяц’.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в марийском (горном и луговом) языке нами выявлено всего пять многозначных союзов. Заимствованные из русского языка сочинительные союзы г. *дй*, л. *да* ‘и, да; да, но, а’ в марийском языке выражают те же отношения, что и в языке-источнике – соединительные и противительные. Соединительные союзы чаще всего обозначают «чистую конъюнкцию», в отдельных случаях могут

приобретать причинно-следственное и результативное значения. В противительном значении они выступают реже и выражают одно значение противопоставления. По стилистической окраске являются нейтральными.

Союз *ато* 'а то', восходящий к русскому языку, с противительной и разделительной семантикой выступает только в горномарийском литературном языке. В обоих значениях он способен использоваться в сочетании с лексико-семантическими конкретизаторами. Чаще всего встречается в художественной литературе и разговорной речи.

Русские заимствования г. *вуйта*, л. *пуйто* 'будто, будто бы, как будто' в марийском, также как и в русском, языке имеют изъяснительное и сравнительное значения. С указанными многозначными союзами в определённых конструкциях используются корреляты, которые подчёркивают семантические отношения, выражаемые союзами. Слова г. *вуйта*, л. *пуйто* 'будто, как будто' в отдельных предложениях способны выполнять кроме того роль союзных частиц. Основная сфера их употребления – художественная и разговорная речь.

Собственно-марийский союз г., л. *манын* 'что; чтобы; думая, что' в языке обладает тремя основными значениями: целевым, изъяснительным и причинным. Чаще всего выражает целевое, реже – причинное значения. Целевой и изъяснительный союзы в стилистическом отношении являются нейтральными, причинный больше характерен для художественной речи.

Союзы г. *гöнь(би)*, л. *гын* 'если, раз' выражают два основных значения – условное и сопоставительное. Условные союзы соединяют придаточные предложения, которые выражают реально возможные условия и ирреальные условия. Придаточные предложения реального значения могут осложняться причинными оттенками. В оформлении реальной условной связи вместе с союзами могут принимать участие те или иные конкретизаторы. В условных придаточных предложениях ирреального значения с рассматриваемыми союзами разграничение нереальной и реальной обусловленности опирается на контекст. Со стилистической точки зрения являются нейтральными.

Сокращения

Букв. – буквально; г. – горномарийский литературный язык; л. – луговомарийский литературный язык.

Список источников и литературы

1. Васинова Л. П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. Ч. I. 224 с.
2. Васинова Л. П. Сопоставительная грамматика русского и марийских языков. Синтаксис. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 150 с.
3. Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь). В 2 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2017–2018.
4. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. I. 203 с.
5. Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. В 2 т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979, 1983.
6. Иванова З. К. Синтаксические отношения между однородными членами, выраженные соединительными союзами // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 123–135.
7. Исанбаев Н. И. Особенности употребление манын и лийын в марийском языке // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. XV. С. 95–111.
8. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
9. Мустаев Е. Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки. Йошкар-Ола [б.и.], 2013. 396 с.
10. Попова Э. Н. Об одной синтаксической конструкции коми-зырянской и коми-пермяцкой речи // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26. Вып. 6, С. 63–66.
11. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 712 с.
12. Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.

13. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
14. Сибатрова С. С. Русские заимствования в системе союзов марийского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 30–41.
15. Словарь марийского языка. В 10 т. / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005. 4435 с.
16. Служебные слова в лексикографическом аспекте / Отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 376 с. URL: <http://www.labsisl.ru/?p=3930> (дата обращения: 24. 08. 2019).
17. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 152 с.
18. Учаев З. В. Марий йылме. Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.
19. Эрцикова Г. А. Семантические особенности соединительных связующих средств г. дӓ, л. да и г. -ат/-ӓт, л. -ат/-ят в современном марийском языке // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 219–227.
20. Beke Ödön Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001. (Seriya «Bibliotheca Ceremissica», Vol. 4).
21. Bereczki Gábor A cseremisz nyelv történeti alakzata. Debrecen: University of Debrecen Supplementum, 2002. 290 p.
22. Bereczki Gábor Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. 322 p.
23. Moisio Arto, Saarinen Sirkka Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 924 s.
24. Rédei Károly Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden: Harrassowitz, 1986–1991. Bd. 1–3.

References

1. Vasikova L. P. *Slozhnye predlozhenija v sovremennom marijskom literaturnom jazyke* [Complex sentences in the modern Mari literary language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1982. Part I. 224 p. (In Russian)
2. Vasikova L. P. *Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskih jazykov. Sintaksis* [Comparative grammar of the Russian and Mari languages. Syntax]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1990. 150 p. (In Russian)
3. Vershinin V. I. *Marij mut-vlakyn kushech lijmysht (Jetimologij muter). V 2 t.* [Origin of Mari words (Etymological dictionary). In 2 vol.]. Yoshkar-Ola: String Publ., 2017–2018. (In Mari, In Russian)
4. Galkin I. S. *Istoricheskaya grammatika maryskogo jazyka. Morfologiya* [The Mari language historical grammar. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1964. Ch. I. 204 p. (In Russian)
5. Gordeev F. I. *Jetimologicheskij slovar' marijskogo jazyka. V 2 t.* [Etymological dictionary of the Mari language. In 2 vol.]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1979. 1983. (In Russian)
6. Ivanova Z. K. *Sintaksicheskie otnoshenija mezhdu odnorodnymi chlenami, vyrazhennye soedinitel'nymi sojuzami* [Syntactic relations between homogeneous parts of the sentence expressed by connective conjunctions]. *Voprosy marijskogo jazyka* [Issues of the Mari language]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 1982. pp. 123–135. (In Russian)
7. Isanbaev N. I. *Osobennosti upotreblenie manyn i lijyn v marijskom jazyke* [Special features of using of *manun* and *lien* in the Mari language]. *Voprosy jazyka, literatury i fol'klora. Trudy MarNII* [Issues of language, literature and folklore. Works of the Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. XV. pp. 95–111. (In Russian)
8. Maytinskaya K. E. *Sluzhebnye slova v finno-ugorskih jazykah* [Function words in the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 185 p. (In Russian)
9. Mustayev E. N. *Sopostavitel'noe jazykoznanie. Russkij i marijskij jazyki* [Comparative linguistics. Russian and Mari languages]. Yoshkar-Ola: [w/p], 2013. 396 p. (In Russian)
10. Popova Ye. N. *Ob odnoj sintaksicheskoy konstrukcii komi-zyrjanskoj i komi-permjackoj rechi* [About one syntactic construction of the Komi-Zyryan and Komi-Permyak speech]. *Vestnik udmurtskogo universiteta. Serija istorija i filologija* [Bulletin of the Udmurt University. Series of history and philology], 2016, no. 26 (6), pp. 63–66. (In Russian)
11. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 2. 712 p. (In Russian)

12. Savatkova A. A. *Russkie zaimstvovaniya v marijskom jazyke* [Russian borrowings in the Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1969. 130 p. (In Russian)
13. Sannikov V. Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic space]. Moscow: Jazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 624 p. (In Russian)
14. Sibatrova S. S. *Russkie zaimstvovaniya v sisteme sojuzov marijskogo jazyka* [Russian borrowings in the system of conjunctions in the Mari language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 10 (3), pp. 30–41. (In Russian)
15. *Slovar' marijskogo jazyka. V 10 t.* [Dictionary of the Mari language. In 10 vol.]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1990–2005. 4435 p. (In Russian)
16. *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte* [Function words in the lexicographic aspect]. Ed. by E. S. Sheremetyeva, E. A. Starodumova, P. M. Tyurin. Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t Publ., 2017. 376 p. Available at: <http://www.labsisl.ru/?p=3930> (accessed July 24, 2019). (In Russian)
17. *Sovremennyy marijskij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija* [Modern Mari language. The syntax of a complex sentence]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1961. 152 p. (In Russian)
18. Uchaev Z. V. *Marij jylme. Fakul'tativnyj zanjatijym jertaryme uchebnyj posobij* [Mari language. Tutorial for optional tasks]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1985. 183 p. (In Mari)
19. Ertsikova G. A. *Semanticheskie osobennosti soedinitel'nyh svjazujushhih sredstv g. dä, l. da i g. -at/-ät, l. -at/-jat v sovremennom marijskom jazyke* [Semantic features of connective means g. dä, l. da i g. -at/-ät, l. -at/-jat in the modern Mari language]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2017, no. 4 (44), pp. 219–227. (In Russian)
20. Beke Ödön *Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)*. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001. (Seriya «Bibliotheca Ceremissica», Vol. 4). (In Hungarian)
21. Bereczki Gábor *A cseremis nyelv történeti alaktana*. Debrecen: University of Debrecen Supplementum Publ., 2002. 290 p. (In Hungarian)
22. Bereczki Gábor *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. 322 p. (In German)
23. Moisio Arto, Saarinen Sirkka *Tscheremissisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 924 p. (In German)
24. Rédei Károly *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1986–1991. Bd. 1–3. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Эрцикова Галина Алексеевна, старший научный сотрудник, Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева» (424036, Российская Федерация, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44), кандидат филологических наук.

ORCID: 0000-0002-8217-1019

galina.ehrcikova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ertsikova Galina Alekseevna, Senior Researcher Fellow, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (424036, Russian Federation, the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Krasnoarmeyskaya st., 44), Candidate of Philological Sciences.

ORCID: 0000-0002-8217-1019

galina.ehrcikova@yandex.ru